

ПУШКИН И ЯЗЫК ПОЭЗИИ.

25-й кадр Великого Арапа

Александр Сидоров

Ключевые слова: поэтический революционер, русская поэзия, рифма, поэтический язык

«Иные мне нужны картины»: Пушкин как поэтический революционер

Язык современной поэзии до сих пор остаётся именно языком Пушкина, обязан ему не только своим возникновением, существованием, но и своим развитием. Маяковский, Пастернак, Вознесенский, Бродский, даже обэриуты — все они изъясняются именно пушкинским языком. Кому-то это покажется парадоксальным: да у Пушкина-де и образов таких нет и быть не может, и рифм, и само восприятие мира иное, и музыкальность языка нередко на иных принципах основана... Не говоря уже о совершенно очевидных вещах: например, о постоянных глагольных рифмовках (то, что ныне считается моветоном), всемерном использовании тривиальных рифм типа «стихи-грехи» (значительная часть которых, впрочем, в пушкинское время не была тривиальной).

Однако это именно так. Именно пушкинский 25-й кадр лежит в основе всей русской поэзии и поэтического языка. Великий Арап заложил главное: он *первым* провозгласил принцип — *для поэзии нельзя*

выдумать язык и стиль. Они всегда созвучны жизни. Язык развивается как живой организм, он единое целое с жизнью, с обществом, с общественными процессами. Поэт *должен чувствовать перемены* не только в языке, но и в окружающей его действительности, во взглядах на мир, в психологии людей, в их потребностях. *И пропускать всё это через себя, через свою личность*.

Итак, первое — *не поэт выдумывает язык, а язык рождает поэта*.

Вспомним: Пушкин ведь был далеко не первым и не единственным, кто искал новый поэтический язык взамен тягеловесным, искусственным и чаще всего уныло-маловразумительным виршам Сумарокова, Тредиаковского и даже лучшего из представителей русской поэзии XVIII века — Гаврилы Романовича Державина. «Новый слог» начала XIX века связан с именем Николая Михайловича Карамзина, который впервые поставил задачу сближения литературного языка с разговорным. Правда, при этом Карамзин считал, что необходимую для литературного языка разговорную лексику должны осторожно выбирать «люди со вкусом». А в целом

задачей поэзии карамзинского направления было выработать более ясную, понятную для читателя и вместе с тем возвышенно-экспрессивную лексику, отобрав её и из книжной старославянской, и из «народной». В этих рассуждениях была своя логика: отбирать должно всё то, что несёт в себе сладострастность, нежность, пластичность, музыкальность.

Так в русской поэзии появились «знаковые» слова: ланиты, чело, десница, кущи, длань, цевница, бранный, брег, глас и прочее. Плюс античные образы и западноевропейские символы типа розы, мирты, лилеи. Проникли в неё и народные роща, ручеёк, домик, пичужка и проч. Стихи действительно стали более внятными и приятственными для слуха:

**Уже бледнеет день, скрываясь за горою,
Шумящие стада топятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопой
Идёт, задумавшись, в шалаш спокойный свой.**
(Василий Жуковский, «Сельское кладбище», 1802).

Как похоже на раннего Пушкина! Даёшь четверостишие без автора — 90 процентов образованных людей затруднятся определить автора. Как-то в Сети я наткнулся на тест: давали вперемешку отрывки из Пушкина и Николая Языкова, а читатель должен был определить, кому они принадлежат. Ежели бы я Пушкиным не занимался и не знал многие отрывки его, я бы сам поплыл!

Но есть маленький нюанс. Пушкин ведь *неоднороден*. Для меня настоящий Пушкин, создатель нового поэтического языка и новой поэтической реальности, начинается после 1824 года (а то и позже). С «Онегина», «Маленьких трагедий», «Бориса Годунова» и т.д. До этого Александр Сергеевич во многом не порвал с «новым сладостным стилем», и общество приветствовало его в основном с этих позиций. Как стихотворца, доведшего до совершенства уже существующую стилистику, как романтического поэта... Впрочем, уже и на этом этапе многие маститые авторы нападали на него

за введение в поэзию «хамских» тем и лексики. И всё же ранний, молодой Пушкин — ещё «поэт традиции».

Зато «Евгений Онегин» *перевернул всю русскую поэзию!* Я уже писал об этом не раз, да и не я первый: Пушкин ввёл в поэзию простой язык, язык улицы, язык трактиров, торговых рядов, просвирен. Это — одна из главных его заслуг. Он *напрочь сломал все границы* поэтической лексики, поэтических тем, поэтических табу. *Напрочь!* В этом смысле *вся нынешняя поэзия* основана на Пушкине. Вся как есть.

Вспомните отрывки из путешествия Онегина:

**Порой дождливою намени
Я, завернув на скотный двор...
ТЬфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, Фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал...**

Арап буквально купается в этой самоиронии, шикует — и провозглашает *свод новых поэтических законов*. При этом специально утрируя, доводя дело до крайностей:

**Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.**

Есенин! Как же, так и поверили, разбежались... Но — заряд заложен: для поэзии

нет высокого и низкого, грязного и чистого, допустимого и недопустимого. Вот он, 25-й кадр Пушкина.

И вот в этом вторая, неоценимая заслуга Александра Сергеевича перед русской поэзией: он провозгласил полную поэтическую раскованность, отсутствие любых табу для стихотворца, право на любые, самые рискованные эксперименты.

Говорить об открытиях Пушкина, которыми мы пользуемся до сих пор и будем пользоваться до окончания поэзии, можно долго. Многие, впрочем, указывают на то, что он лишь привнёс в отечественную поэзию французские и английские мотивы (в частности, байронические). В чём-то они правы: муза Пушкина переимчива. Ну, к примеру, вот:

**Люблю болтать с друзьями до рассвета,
Люблю в журналах мир и на земле,
Правительство люблю я (но не это),
Люблю закон (но пусть лежит в столе)...
Люблю я уголь, но недорогой,
Люблю налоги, только небольшие,
Люблю бифштекс, и все равно какой,
За кружкой пива я в своей стихии...**

Чем не Пушкин? Однако же Байрон, ироническая поэма «Беппо» (сам Александр Сергеевич указывал, что она его вдохновила на «Онегина»). И всё же Пушкин идёт значительно дальше Байрона, прощаясь с романтизмом и оттачивая, делая достоянием русской поэзии на века вперёд, доводя до совершенства некоторые формальные приёмы, которые у Байрона лишь намечены, притом в жанре исключительно ироническом. Чего стоит одно только пушкинское перечисление, в результате которого возникает эффект бешеной скачки:

**Возок несётся чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах,
И стаи галок на крестах.**

ЗАГАДКИ ПУШКИНА

Или в том же «Онегине» — передача суеты перед отъездом:

**Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.**

Это же сверхъестественно! Такой приём стал сегодня для русской поэзии традиционным. Да, он встретился Пушкину в том же «Беппо»:

**Вот маски: турок, янки-дудль, еврей,
Калейдоскоп невиданных уборов,
Лент, серпантина, блесток, фонарей,
Костюмы стряпчих, воинов, актеров —
Всё что угодно прихоти твоей,
Всё надевай без дальних разговоров.**

Но Байрон, создав иллюзию столпотворения карнавала, в дальнейшем фактически не возвращается к подобному приёму. Он чужд его лире и уместен для него лишь как иронический (впрочем, именно романтики придавали иронии особое значение в противопоставлении обыденного и возвышенного миров). Зато в поэтике Пушкина он расцвёл и зажил, определив стиль многих его последователей.

Да, можно говорить о том, что Александр Сергеевич не совершил такого прорыва, переворота в рифме, как русские поэты XX века — Маяковский, Пастернак, Вознесенский, Ахмадулина, Бродский... Но я уже писал: нельзя требовать невозможного! Поэтический язык определяется, помимо прочего, состоянием в развитии общества. Пушкин достиг в развитии стихотворной формы пределов для современной ему литературы. Выше него не поднялся никто

до Маяковского. Фактически Маяковский — Пушкин XX века в области образов и формы.

Ну, в самом деле, представьте себе, что Александр Сергеевич создаёт в начале позапрошлого века такие достаточно простые строки:

**С намеренным однообразием,
Как мазь, лесная синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.**

Синева — мазью ложится на рукава?! Да ещё с намеренным однообразием?! Она что же, мыслящая, что ли? У неё, оказывается, есть намерения... И упекли бы Арапа если не в больницу для душевнобольных, то уж точно под надзор врачей, как его приятеля Чаадаева.

Чтобы Пастернак смог написать эти строки, должен был случиться громадный перелом в психологии человека XX века, прогреметь страшные войны, революции, произойти ломка художественных вкусов под влиянием футуризма, имажинизма и прочих измов...

Мы сегодня не в силах даже приблизительно представить, какие темы, мотивы, взрывы в головах наших потомков произойдут к середине XXII столетия — а то и раньше. С освоением космических пространств, переменной климата, поисками новых мест обитания в галактике, появлением опасности со стороны искусственного мозга (это сейчас мы считаем соперничество киборгов-андроидов с человеком забавной страшилкой, а ведь оно совершенно естественно вытекает из развития цивилизации)...

Да, Пушкин шагнул настолько далеко, что значительная часть поздней русской поэзии кажется лишь его более или менее талантливым эпигонством. Вот Фет:

**Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.**

**Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?**

И три четверти его стихов — больно-невольно, слёзы-розы, мяля-тополя.

А вот куда более позднее блоковское:

**Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь,
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь,**

**Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте,**

**Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных
слёз,**

**И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.**

**В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нём.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздём...**

Далёкой — широкой, надежды — одежды, слёз — Христос... Содержание на три корпуса опережает форму.

Подобные «атавизмы» найдём и у Гумилёва, и у Есенина. Да и у поздних поэтов:

**Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди...**

Это Симонов (жди-дожди). А вот и Лев Ошанин (дороги-тревоги):

**Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода-тревоги
Да степной бурьян...**

Сегодняшний поэт писать так не имеет права. Это неприлично. Но — писали же. И пишут.

Но какое отношение к этому имеет Пушкин?! Такой раскованности, как в «Евгении Онегине», не достигал никто в русской поэзии. А вот это:

**Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день...**

Откуда взялась рифма «Чильд Гарольдом — сО льдом» в первой половине позапрошлого века?! А шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой из «Медного всадника»? Именно Пушкин внёс и байроническую манеру пересыпать русскую речь иностранными вкраплениями на языке оригинала:

**Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовётся vulgar. (Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.)**

Сейчас этим приёмом не пользуется разве что ленивый.

То есть Пушкин и тот же Фет для русской поэзии настолько разновелики, что тут даже нет предмета для дискуссий. Хотя и Шеншин внёс свои две копейки — «Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья»... Он продолжил направление поиска формы, создав стихотворение из назывных предложений. Немало. В этом ряду экспериментов, пожалуй, до футуристов можно поставить разве что поэты Северянина.

Так что Александр Сергеевич Пушкин — наш 25-й, 26-й, 27-й и далее до бесконечности кадры. И он будет ещё долго определять пути развития будущей поэзии. Скорее всего, всегда.

Немного о поэтах-террористах

XX век продолжил традиции Пушкина с... атаки на самого же Пушкина! Поэзия Маяковско-

го по отношению к пушкинской не просто революционна. Казалось бы, Владимир Владимирович из всех поэтов прошлого века наиболее далёк от Великого Арапа по своей стилистике и мировоззрению. Куда уж дальше: со своей футуристической шайкой-лейкой пытался «сбросить Пушкина с Парохода современности»!

А ведь на самом деле Маяковский — поэт пушкинского направления и пушкинской тональности. В этом признавался и он сам. Пролетарский трибун любил пушкинские стихи, а многие из них знал наизусть. Он постоянно подчёркивал это на своих многочисленных выступлениях начиная с 1925 года, когда прошла пора эпатажа, вопросов — «почему не атакован Пушкин», указаний на «вылинявший пушкинский фрак». Маяковский знал наизусть множество стихов не только Пушкина, но и Лермонтова, Фета, Тютчева, Некрасова, а также современных ему Блока, Ахматовой, Северянина, Есенина и даже Бальмонта («врагом» которого некогда себя объявил). Когда ему в категорической форме задавали вопросы из зала: «Почему вы не любите, не признаёте Пушкина?», он предлагал автору подняться и посоревноваться в том, кто больше знает стихов Пушкина наизусть: «Уверен, что отношусь к Пушкину лучше, чем автор этой нелепой записки». Он не раз признавался, что спит с томиком Пушкина под подушкой. Часто читал пушкинскую лирику со сцены. Те, кто слышал эту декламацию, утверждали, что Маяковский читал не хуже Яхонтова — лучшего чтеца той поры.

Пастернак, Мандельштам, Цветаева тоже в поэзии продолжатели пушкинской линии — не эволюционисты, а революционеры, распатавшие представления о необходимости грамматической стройности языка. Пастернак вообще стал строить поэтическую речь на неправильностях, нечёткостях, приблизительностях,

сумбуре образов. Вот явная безграмотность высшего порядка:

**В траве меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.**

Совершенно очевидно, что запрокинуть руки невозможно (как раз головы и запрокидывают), это совершенно не по-русски. Или опять же сумбурное и неточное:

**На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота...**

Дикая по смыслу фраза. Что хотел сказать автор? Наверное, что он каждую зиму *вспоминает* дни солнцеворота? Выражено очень косноязычно. Или:

**И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней...**

Странная отправная точка. А что, разве *во сне* люди поспешно тянутся друг к другу? Это новое слово в физиологии. Или:

**Он вашу сестру, как гречанку с амфор,
Поднимет с земли — и использует!**

Вот это круто! Как же можно «использовать» гречанку с амфор? Если предположить, что поэт (о котором и идёт речь в стихотворении) использует неведомую сестру, как гречанку, подобную тем, которые изображены на амфорах, непонятно — почему именно гречанку? И почему для этого надо предварительно поднять с земли?

В общем, всяких почему великое множество. А между тем *все эти тропы и стихи, из которых они взяты, — гениальны*. Поэтому что при всей своей неправильности вы-

зывают именно те чувства, которые и должны вызвать. Потому что необыкновенно, колдовски музыкальны и экспрессивны в контексте. Потому что они *выше грамматики*.

Они выше синтаксиса, который ломают и Пастернак, и Маяковский, Цветаева, Бродский — да кто его только ни корёжит в русском стихе! Но это позволено только людям исключительного таланта, Богом помеченным.

Когда то же самое пытаются сделать халтурщики — смотрится жалко и убого. Броде и выпендрёж с рифмой, и образы какие-то сверхнакрученные, и аллитерация, и россыпи тропов, а читать тошновато. Многие «продвинутые» читатели на это покупаются — но только в рамках игры в «паезию». Поэзия не терпит пустопорожнего выкобеливания. В своей выбраковке она жестока. На халяву — не пролезешь. И не пытайся.

Увы, некоторые из нынешних поэтов, даже небесталанных, предпочитают — в очередной раз! — бравировать своим отрицанием Пушкина и его роли в русской поэзии. Когда же начинаешь разбираться, оказывается, что они *совершенно невежественны* во всём, что касается пушкинского творчества, нарочито подчёркивая в нём лишь «черты века», но не желая признавать его *основополагающего значения* для всей русской поэзии, в том числе и нынешней.

Это печально. Но и это пройдёт, как говаривал мудрый Соломон...

